

Вилла Хаоцзин, небольшая и уютная, состояла из двух этажей и цокольного уровня. На первом располагалась просторная гостиная, слева от которой примостился уютный малый салон. Столовая плавно переходила в кухню; там же находилась комната для прислуги и компактная ванная. Второй этаж делили между собой три комнаты: рабочий кабинет хозяина, его спальня и гостевая — её Сино держал исключительно для Юй Цзиянь на случай, если та вдруг решит заглянуть к нему на постой.

Сино стоял в столовой, задумчиво помешивая кофе, и наблюдал, как Цинь-сао молча моет посуду. Он выложил на стол пухлый конверт.

— Цинь-сао, завтра же возвращайтесь домой.

Женщина обернулась. Оцепенение охватило её; она лихорадочно соображала, где могла провиниться настолько, что её решили уволить.

— Господин Гун, я...

— Не поймите превратно, — мягко прервал её Сино. — В этом нет никакого скрытого смысла. У вас дома сейчас тяжёлые времена, вам нужно быть там, иначе сердце будет не на месте. — Он пододвинул к ней конверт. — Здесь ваше жалованье до конца года и небольшое вознаграждение от меня лично.

В семье Цинь-сао и впрямь наступила чёрная полоса. Свекровь, давно прикованная к постели, слегла с обострением; из-за долгов по счетам её выставили из больницы. Сын, не дотянув и до двадцати, устроился водителем грузовика, чтобы хоть как-то помочь родителям, но однажды ночью уснул за рулём и врезался в фуру. Жизнь парню сохранили, но обе ноги оказались раздроблены. Муж, разрываясь между сыном и старухой-матерью, забросил поле, и урожай погиб. Беды сыпались на них одна за другой, словно из дырявого мешка.

Сино не выпытывал подробности намеренно — просто случайно услышал обрывки её телефонных разговоров. Он видел, как Цинь-сао мучается: работала она на автомате, вечно погружённая в свои невесёлые думы, а с лица не сходила тень глубокой печали.

— Нет-нет, господин Гун, вы и так ко мне слишком добры, я не могу это принять! — Женщина всхлипнула, отказываясь от денег.

Но Сино был непреклонен:

— Вы это заслужили. Считайте это оплачиваемым отпуском.

— Но как же так... — Цинь-сао колебалась, не зная, как поступить, но тут её осенило: — Если я уеду, кто же присмотрит за вашим бытом?

— Не беспокойтесь, я справлюсь, — отрезал Сино, у которого в голове уже созрел план.

Он допил кофе, поставил чашку на стол и ушёл к себе.

Перед отъездом Цинь-сао всё же договорилась с клининговой компанией о генеральной уборке раз в неделю, но от новой экономки Сино наотрез отказался. Он сам отвёз женщину на вокзал и долго стоял на перроне, провожая взглядом уходящий поезд.

На следующий день Гэн Синю стало значительно лучше. Хотя походка всё ещё оставалась несколько скованной, он, по крайней мере, смог подняться с постели. Весь тот день, что он провалялся пластом, парень в сердцах костил Ся Лефаня на чём свет стоит. А сам доктор Ся в это время вовсю чихал в больнице, чем вызвал шквал шуток от медсестёр — те в один голос твердили, что кто-то о нём тоскует и, верно, у него дома запрятана писаная красавица.

Гун Сино, несмотря на статус, вёл жизнь довольно скромную. Его личный автомобиль стоил не больше пары сотен тысяч, по ресторанам он почти не ходил, развлекательных заведений избегал. Нельзя сказать, что он на всём экономил, но и роскошью себя не окружал, благодаря чему ежемесячно откладывал львиную долю жалованья.

Когда он в очередной раз приехал в квартиру Цзинкуня, при нём был небольшой дорожный чемодан. Он оставил его у порога, и ни Юань Цзинкунь, ни Гэн Синь не обратили на это внимания.

В тот вечер Сино задержался непривычно долго и, казалось, вовсе не собирался уходить. Гэн Синь недоумевал, Цзинкунь пребывал в замешательстве, но расспрашивать гостя никто не решился. Юаню было всё равно, уйдёт тот или останется — он привык ложиться строго по расписанию и уже в девятом часу скрылся в спальне.

Гэн Синь остался в гостиной развлекать гостя. Сино весь вечер просидел с газетой в руках, изучив её, должно быть, до последней запятой и мелких рекламных объявлений на полях.

— Иди к себе, — наконец подал голос Сино, откладывая прессу.

— А, да! — Гэн Синь, заждавшийся этой команды, едва не подпрыгнул от радости. Ему не терпелось созвониться с Ся Лефанем и излить ему душу.

Дождавшись, пока дверь за Гэн Сином закроется, Сино поднялся. Он подошёл к спальне Цзинкуня и замер, не решаясь взяться за ручку. В голове роились сомнения: входить или нет? Остаться или уехать? Собрав всю волю в кулак, он всё же повернул ручку и толкнул дверь.

Цзинкунь ещё не спал. Он сидел, привалившись к изголовью, и читал. Единственным

источником света была настольная лампа, её мягкий отблеск падал на лицо мужчины, подсвечивая здоровый румянец на щеках. Скрип двери он поначалу не заметил.

— Кхм... — Сино негромко кашлянул, привлекая внимание.

Цзинкунь вскинул голову. Увидев Сино в дверях, он непонимающе замер, отложил книгу и уставился на него в упор.

— Э-э... — Сино лихорадочно подбирал слова. — Ну... доктор Ся говорил, что по ночам у тебя могут быть судороги или испарина... В общем, может стать нехорошо...

Сино чувствовал, что начинает задыхаться от неловкости. Он умолк, пытаясь унять колотящееся сердце.

— Поэтому я подумал... — Слова застряли в горле.

— Я... — Он снова осёкся.

Юань Цзинкунь слушал это путаное бормотание, не понимая, к чему клонит собеседник, но терпеливо ждал продолжения.

— В общем, я решил, что мне лучше остаться здесь на ночь, — выпалил Сино на одном дыхании.

Цзинкунь на мгновение застыл. Очевидно, предложение застало его врасплох. В этой квартире было всего две комнаты, и где именно Гун собирался расположиться, оставалось загадкой.

Сино, решив, что тот сердится на его наглость, тут же пошёл на попятную:

— Ну... если ты против... я могу устроиться в гостиной, на диване.

Цзинкунь помолчал, а затем подвинулся к краю кровати. Этот жест был красноречивее любых слов: он позволял Сино остаться. Здесь, рядом с ним.

Гун Сино закусил губу. Ему показалось, что ожидание длилось целую вечность, прежде чем он получил ответ. К счастью, этот ответ не заставил его сгорать от стыда. На самом деле Сино и сам не заметил, как в душе шевельнулась робкая радость и странное чувство удовлетворения.

Закончив с водными процедурами, Сино вышел из ванной. Цзинкунь уже лежал под одеялом, прикрыв глаза. Одеяло на кровати было одно — широкое, двуспальное; живя один, он никогда не задумывался о том, чтобы сменить его на полуторку. Сино максимально осторожно,

стараясь не шуметь, забрался под бок.

Оба лежали на самых краях матраса, стараясь сохранять дистанцию, так что большая часть одеяла сиротливо топорщилась посередине. Они притворялись спящими, хотя сна не было ни в одном глазу. В звенящей тишине спальни слышалось лишь их мерное дыхание, а порой казалось, что можно различить даже стук чужого сердца.

Для обоих это был первый опыт сна в одной постели с кем-то другим. Каждый чувствовал, как напряжено тело соседа — они замерли, словно египетские мумии.

Сино чуть потянул одеяло на Цзинкуня, боясь, что тот замёрзнет. Тот, в свою очередь, подтянул край к самому подбородку и произнёс дрогнувшим голосом:

— Подвинься поближе, а то одеяла на двоих не хватит.

— Хорошо, — выдавил Сино, едва слышно.

Постепенно напряжение спало. Привыкнув к ауре друг друга, они наконец погрузились в глубокий сон.

Первые лучи утреннего солнца пробились сквозь шторы, расчертив кремовое одеяло золотистыми полосами. Сино проснулся первым. Он повернул голову и замер, созерцая спящего Цзинкуня. Черты лица того были тонкими и изящными, в них сквозила мягкость, но никак не женственность — разительный контраст с суровым обликом Ян Ицина.

Сино ловил себя на том, что невольно сравнивает их: в чём они похожи, а в чём — полные противоположности?

Он поднялся раньше Юаня, умылся, оделся и вышел из спальни. Гэн Синь как раз заканчивал возиться с завтраком. Стол уже ломился от яств: дымящаяся рисовая каша, закуски, глазунья и пышные сливочные пампушки.

Увидев, как Гун Сино ни свет ни заря выходит из комнаты Цзинкуня, Гэн Синь застыл, словно первооткрыватель, узревший новый материк. Рука с тарелкой так и повисла в воздухе. Он во все глаза смотрел, как гендиректор с невозмутимым видом шествует к столу.

— Гендиректор... Гун... — заикнулся парень.

«Ох ты ж! Откуда он здесь взялся в такую рань? Неужели... неужели он не уехал вчера? А если остался, то где спал? В гостиной? Да нет, вышел-то он из комнаты господина Юаня! Неужто

они... они что, спали вместе?!»

Гэн Синь не верил собственным догадкам. «Быть не может! У Гендиректора Гуна ведь есть любовь всей жизни, а господин Юань его на дух не выносит. Как же так...»

Пока Гэн Синь предавался безумным фантазиям, из спальни вышел Цзинкунь и молча занял своё место за столом. Мужчины не проронили ни слова, ведя себя так же, как и всегда. Гэн Синю оставалось только теряться в догадках: «Боже мой, да объясните мне хоть кто-нибудь, что тут происходит!»

Позавтракав, Сино собрал портфель и остановился в дверях, переобуваясь. Цзинкунь, помня о нахождении Гэн Синя в квартире, провожать его не пошёл. Сино нарочно возился со шнурками, до последнего надеясь услышать те заветные слова, что Юань произнёс в прошлый раз, но так и ушёл на работу с лёгким осадком разочарования.

Как только дверь за ним захлопнулась, а Цзинкунь скрылся в своей комнате, Гэн Синь пулей бросился к телефону.

— Эй, слушай! Ты не поверишь, что я сегодня разузнал! — выпалил он в трубку Ся Лефаню.

Тот отодвинул телефон от уха и включил громкую связь — в общезнании всё равно никого не было.

— Ох, тише ты. Ну и что там? У тебя сын родился?

Гэн Синь обиженно засопел:

— Да будь ты серьёзнее! Слушай: вчера вечером гендиректор Гун не вернулся к себе!

— И что мне с того, где он ночует? — Лефань явно не улавливал сути.

— Ну ты и тормоз! — возмутился Гэн Синь. — Он остался у нас! И не просто остался... — Он сделал многозначительную паузу. — Он спал в одной комнате с господином Юанем!

— Чего? — Доктор Ся явно не ожидал, что события примут такой оборот. — Серьёзно?

— Чистая правда! — Гэн Синь энергично закивал. — Вот уж радость-то какая, а!

Лефань на мгновение лишился дара речи, решив, что Гэн Синь впал в какой-то неоправданный экстаз.

— Какая радость? Тебе-то что с этого? — безжалостно окатил он его холодной водой.

Юань Цзинкунь сидел в кресле, держа в руках книгу, но мысли его были далеко. Он медленно повернулся к кровати. На нежно-голубых простынях, казалось, всё ещё витал едва уловимый запах Сино. Перед глазами невольно всплыла прошлая ночь.

Цзинкунь долго не мог уснуть. Тихий шум чужого дыхания щекотал слух; они лежали так близко, что он, казалось, кожей чувствовал прохладу тела Сино.

С чего вдруг тот решил остаться? Зачем он так заботится о нём? Ради ребёнка Ян Ицина? Или пытается загладить свою вину?

Приходилось признать: за все тридцать лет жизни Цзинкунь впервые ощутил нечто подобное по отношению к другому человеку, да ещё и к мужчине. Его сердце доселе оставалось нетронутым, и в истории Гун Сино и Ян Ицина он не видел ничего, кроме чужой, непонятной ему драмы. Он не мог прочувствовать ту горечь безответной любви, о которой слышал.

Но теперь... кажется, он начал понимать.

Когда Сино спал рядом, Цзинкунь не чувствовал неловкости или раздражения. Напротив, ему было спокойно и тепло. В ту ночь он спал на редкость безмятежно.

<http://bllate.org/book/17488/1695342>